

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Йорг Финкенбергер
Почему панк даже не мёртв
К тридцатилетию 1977-го года
2008

Скопировано 16.12.2023 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=1098>

Опубликовано в Letzter Neue, декабрь/январь 2008. Перевод с немецкого.

ru.anarchistlibraries.net

Почему панк даже не мёртв

К тридцатилетию 1977-го года

Йорг Финкенбергер

2008

Окружающая нас реальность возникла, в основных своих чертах, в районе 1977-го года, если понимать под реальностью конкретное прохождение границы между контрреволюционным порядком с одной стороны и стремительно уменьшающимися свободными пространствами того, что некогда было восстанием — с другой.

Понятие «контрреволюционный» имеет в этом смысле вполне точное значение, и сегодняшний порядок является ничем иным как ответом власти на конкретную угрозу, принявшим общественную форму постоянного ответного нападения. То, что этот порядок всё ещё узнаваем как повседневный террор, из которого этот порядок, по сути, и состоит, является предпосылкой для его упразднения.

1. 1968-й год не был делом западно-берлинских студентов, и лишь из вдвойне искажённой перспективы, провинциально-немецкой и социальной перспективы нового среднего класса, может показаться, что речь тогда шла о чрезвычайных законах или о реформах университетов. К сожалению, именно этот новый средний

класс из бывших студентов писал историю; этот класс воображает, что делал тогда историю.

В итальянском языке есть понятие «68-й рабочих», и взгляд на международную одновременность показывает французский май 68-го года лишь как кульминационный момент того дела, которое от Аргентины до Заира обладало одними и теми же чертами, постольку было направлено против жизни, которая, по сути, повсюду была одинаковой.

Но специфические формы поражения, специфические формы контрудара различались от страны к стране. Государственные перевороты и боины, деиндустриализация и обнищание, постмодернизм и New Economy наложили на общество свой отпечаток: но они немногим старше меня.

Они кажутся вечными, ибо вместе с восстанием всегда стиралась и память о нём. У этого общества нет памяти, оно постоянно живёт на пике катастрофы, и в нём постоянно может быть вызвана паника. То, что было до 1977-го года, уже стало абсолютно немислимым, исчезло за зеркальной стеной.

2. В этом мире заблуждение, как будто панк изобрёл отрицание, обладает определённой логикой. Он всего лишь унаследовал его после того, как истинное восстание было изгнано из мира. Панк является одновременно иллюзорным восстанием и заместителем восстания настоящего. Этим объясняется его двойственное положение.

Панк противостоит миру, который уже перешагнул через все возражения; сопротивление уже бесполезно, с условиями больше нельзя считаться. Отделение человека от его общественной сущности является фактом, о котором больше нельзя на полном серьёзе спорить. Абсолютная изоляция является *fait accompli*. Общего с обществом больше не существует.

В панке ещё раз отражается яростное отрицание минувшего восстания ещё более абстрактно и поэтому ещё более

разрушительно — в состоянии своей полной безнадёжности. Пред лицом панка все классы действительно кажутся одной большой реакционной массой; он яростно нападает на общество, с которым уже все давно примирились, и именно поэтому он подчиняется этому обществу последним. С панком начинается переориентация музыкальной индустрии, которая до сегодняшнего дня удерживает обречённую на продлённую инфантильность молодёжь в своих чарах при помощи различных разновидностей одинаково ограниченных музыкальных направлений.

3. В районе 1968-го года ещё юный пролетариат действительно подверг атаке основания этого общественного порядка с такой же яростной, но более массовой последовательностью — причём изнутри, из фабрик, и не потому, что он так хотел, а потому, что был должен. Фабрика была тогда судьбой подавляющего большинства; позднее капитал был более осторожен и больше не пускал большинство, а тем более самых беспокойных на фабрики, а отводил им столь же отупляющие роли в других местах, где они не могли причинить много вреда.

Восстание было столь же непредсказуемым, насколько оно необъяснимо для сегодняшних прилежных историков; поэтому оно пристыжено замалчивается. Да и как объяснить, что тогда велись забастовки за невыполнимые или смехотворные требования, отчаянно и долго, с уличными сражениями и захватами фабрик — очевидно только по той причине, что люди ненавидели работу так же, как и её ничтожные, бесполезные продукты, которые приобретались ими за зарплату? То, что забастовки начинались непосредственно после того, как продуманные требования профсоюзов беспрекословно выполнялись управлением: потому что было слишком ясно, что никакие деньги не могут возместить того, что работа отнимала? И что всякое

требование, которое не требовало невозможного, было бессмысленным?

Это не было просто поражением; тем, за кем после такого праздника закрывались фабричные ворота, было больше не помочь. В Италии, где за дело под лозунгом автономии боролись больше и отчаянней, чем где-либо ещё, эти элементы откололись в движении 1977-го года. Оно и есть начало всего того, что мы знаем.

4. В 1977-м началось бегство из фабрик. Это было желанием любой ценой не оставаться более в аду. Капитал, в свою очередь, пытался заместить опасный и буйный товар под названием «рабочая сила» машинами: так возникли основы «Новой экономики» и массовой безработицы.

Восстание на фабриках было отделено от общества, это было его слабым местом; в захваченных фабриках жизнь действительно шла иначе, но снаружи всё шло своим чередом. Те, кто покинули фабрики, хотели нести восстание в повседневную жизнь, и тому было самое время. Но когда они вышли, ушло и восстание из фабрик.

Движение 1977-го года создало сеть небольших изданий и журналов; оно не доверяло коммуникации так называемой общественности и сделало из этого вывод, что контркультура и контр-общественность должны быть организованы самостоятельно. Оно отошло от политики, т.к. политика основывается на логике представительства, которая способна лишь снова породить власть. Движение 1977-го года было первым официально анти-политическим массовым движением в истории. Оно впервые занималось своим делом от своего имени и на свой страх и риск.

Отрицание этого общества более не является делом одного определённого общественного класса. Оно проявляется в определённом секторе общества, а логика представительства настигла и контркультуру: она является лишь образом движения снятия, чётко и ясно отделённым и на

надёжном расстоянии от несущих колонн общества. И положение дел с тех пор не изменилось.

5. Панк, возникший в констелляции 1977-го года и потёртый всеми её противоречиями, не мог завершить того, что невозможно; вернуть вытесненному голос, универсальный язык отрицания. Раздробленность, самое важное дело контрреволюции, продолжается в панке и посредством панка: отделение восстания от общества и его откол в субкультуру продолжают с разделением на отчуждённые друг от друга субкультуры, которые застыли в своих идентичностях.

Логика отделения создаёт нищие и предательски однозначные стили, чётко разделённые субкультуры, по которым уже заметно, что они станут сегментами рынка и ничем более: идеальная жратва для музыкальной индустрии, которая и так не в состоянии продать своей публике, что-либо, кроме пустой идентичности.

Панк, возможно, жил всего один момент, а может быть и не жил и вовсе. В гладкой истории сверкающей тоски по имени искусство он кажется необъяснимым эпизодом, проникновением чего-то совершенно иного в этот прекрасный мир; сколь разоблачительно, всё ещё! Он указывает на нечто, чего не должно было случиться.

Восстание вычеркнуто из учебников истории: уже кажется, что его и не было. Но его руины всё ещё стоят, мы живём в них. И уже воспоминание может стать опасностью в этом мире без памяти, ибо окаменевшее знает, что снова может стать текучим. Только в этом смысле панк может снова стать опасностью.